

Посвящается Хьюго

Содержание

1. Вторжение Германии в Польшу. <i>Сентябрь 1939 г.</i>	9
2. Разгромленная Польша. <i>Октябрь 1939 г.</i>	27
3. Непокорная Финляндия. <i>Ноябрь 1939 — февраль 1940 г.</i>	46
4. Скандинавский театр военных действий. <i>Зима 1939/40 г.</i>	62
5. Наступление Германии на Западе. <i>Май 1940 г.</i>	83
6. Дюнкерк. <i>Май 1940 г.</i>	101
7. Битва за Францию. <i>Июнь 1940 г.</i>	112
8. Агония Франции, решимость Британии. <i>Июнь — июль 1940 г.</i>	135
9. Битва за Британию. <i>Август — сентябрь 1940 г.</i>	153
10. Гитлер: «Война выиграна!» <i>Октябрь 1940 г.</i>	165
11. Рузвельт: «Новый порядок тирании». <i>Зима 1940/41 г.</i>	180
12. Расширение войны. <i>Январь — март 1941 г.</i>	199
13. Завоевание Германией Югославии и Греции. <i>Апрель 1941 г.</i>	214
14. Падение Крита и война в Африке. <i>Апрель — май 1941 г.</i>	230
15. Вторжение Германии в СССР. <i>Июнь 1941 г.</i>	257
16. Террор на Востоке. <i>Июль — август 1941 г.</i>	274
17. На Ленинград, Москву и Киев. <i>Сентябрь 1941 г.</i>	286
18. Россия загнана в угол. <i>Сентябрь — октябрь 1941 г.</i>	305
19. Гитлер: «Верша судьбу Европы». <i>Ноябрь 1941 г.</i>	319
20. Пределы германских завоеваний. <i>Декабрь 1941 г.</i>	330
21. Япония наносит удар. <i>Декабрь 1941 г.</i>	345
22. Черчилль: «Мы больше не одни». <i>Начало 1942 г.</i>	362
23. Глобальная война. <i>Весна 1942 г.</i>	381
24. Усиление сопротивления и террора. <i>Лето 1942 г.</i>	405
25. Триумф оси. <i>Июль 1942 г.</i>	423

26. Гуадалканал, Дьеп, Эль-Аламейн. Август — сентябрь 1942 г.	440
27. Сталинград и «Факел». Сентябрь — октябрь 1942 г.	458
28. Переломный момент для союзников. Зима 1942 г.	477
29. Касабланка — план победы. Январь 1943 г.	489
30. Немецкие армии в опасности. Февраль 1943 г.	503
31. Монтгомери: «Сбросьте противника в море!» Весна 1943 г.	521
32. Рузвельт: «Первая трещина оси». Лето 1943 г.	541
33. Отступление Германии и Японии. Осень 1943 г.	571
34. Истекающая кровью немецкая армия. Зима 1943 г.	587
35. Анцио, Кассино, Кваджалейн. Январь — февраль 1944 г.	603
36. Бомбардировки, депортация и массовые убийства. Февраль — март 1944 г.	625
37. Сопrotивление, саботаж и дезинформация. Весна 1944 г.	648
38. День «Д». Июнь 1944 г.	663
39. Германия в кольце. Июль 1944 г.	680
40. Бои за Польшу и Францию. Лето 1944 г.	696
41. Горько-сладкий путь к освобождению. Лето 1944 г.	710
42. Вступление в Германию и продвижение к Филиппинам. Зима 1944 г.	732
43. Бои за каждый километр. Зима 1944 г.	751
44. «Фау», летчики-самоубийцы, марши смерти. Январь 1945 г.	781
45. Берлин, Манила, Дрезден, Токио. Февраль — март 1945 г.	796
46. Катастрофа оси и разногласия среди союзников. Март — апрель 1945 г.	818
47. Смерть Рузвельта, Муссолини и Гитлера. Апрель 1945 г.	828
48. Окончание войны в Европе. Май 1945 г.	853
49. Германия побеждена, Япония не сломлена. Май — июль 1945 г.	865
50. Аламогордо, Потсдам, Хиросима. Июль — август 1945 г.	881
51. Поражение Японии. Август 1945 г.	894
52. Возмездие и память. 1945–1952 гг.	900
53. «Незавершенные дела». 1953–1989 гг.	922
Благодарности	937
Библиография	940
Приложение	
Список карт	960
Региональные карты	963

Вторжение Германии в Польшу

СЕНТЯБРЬ 1939 г.

Вторая мировая война стала одним из самых разрушительных конфликтов в истории человечества; погибло свыше 55 миллионов солдат и гражданских лиц, многие из них — при жутких обстоятельствах. За 2174 дня войны, между нападением Германии на Польшу в сентябре 1939 г. и капитуляцией Японии в сентябре 1945 г., имена и лица подавляющего большинства тех, кто был убит в бою или в тылу, были знакомы лишь немногим, кто знал и любил их. Во многих случаях, число которых, возможно, тоже достигает миллионов, даже те, кто мог бы вспомнить жертву годы спустя, тоже погибли. Были уничтожены не только 55 миллионов, но и вся динамичная жизнь и средства к существованию, которые они унаследовали и могли бы передать потомкам: работа и радость, борьба и созидательность, обучение, надежды и счастье.

На страницах этой книги встречаются миллионы жертв этой войны. Многие из них известны поименно, но еще горше наследие неизвестных мужчин, женщин и детей. На этих страницах есть место и мужеству: солдат, моряков и пилотов, партизан и бойцов Сопротивления, мужеству всех тех, кто голодным, нагим, без сил и оружия был послан на смерть.

Кто стал первой жертвой войны, которая унесла 46 миллионов жизней? Это был безымянный узник одного из концлагерей Адольфа Гитлера — вероятнее всего, обычный преступник. Чтобы представить Германию невинной жертвой польской агрессии, гестаповцы переодели его в польскую униформу, перевезли в немецкий приграничный город Глейвиц и застрелили 31 августа 1939 г., подделав странное «польское нападение» на местную радиостанцию. На следующее утро, когда немецкие войска начали продвижение вглубь Польши, Гитлер в качестве

одной из причин вторжения назвал «нападение регулярных польских сил на передатчик в Глейвице».

В честь шефа СС, который помог спланировать обман в Глейвице, операции присвоили кодовое имя «Гиммлер». Тем же вечером 31 августа Советский Союз одержал победу в сражении с японцами на советско-монгольской границе, где советские войска под командованием комкора Жукова окончательно подавили сопротивление 6-й японской армии при Халхин-Голе. Как только закончилась одна война, началась другая, которая вошла в историю как Вторая мировая.

Немецкое вторжение в Польшу 1 сентября 1939 г. не повторяло тактику Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тогда пехотинцы приближались друг к другу, пока не упирались в линию окопов, и затем предпринимали серию атак против хорошо укрепленного противника. Методом Гитлера был блицкриг — «молниеносная война». Сначала воздушные атаки без предупреждения уничтожили на земле значительную часть военно-воздушных сил обороняющейся стороны. Затем бомбардировщики ударили по дорогам и железнодорожным коммуникациям, пунктам сбора, складам боеприпасов и гражданским центрам защищающихся, вызвав смятение и панику. Далее пикирующие бомбардировщики выискивали маршевые колонны и подвергали их беспрестанной бомбежке, одновременно поливая пулеметным огнем гражданских беженцев, которые пытались бежать от приближающихся солдат, что вызвало хаос на дорогах и еще более усложнило дальнейшее движение обороняющихся.

Одновременно с воздушным развивался сухопутный блицкриг: сначала — в виде волны моторизованной пехоты, легких танков и артиллерии на механической тяге, продвигающихся вперед, насколько это возможно. Затем вглубь сельской местности, в обход городов и укрепленных пунктов, должны были проникнуть тяжелые танки. Когда был нанесен тяжелый урон и пройдена значительная территория, зону, на которую уже проникли немецкие войска, должна была занять пехота, поддержанная артиллерией: ей следовало разобраться с остающимся сопротивлением и соединиться с механизированными частями первоначального удара.

Через 24 часа после нападения Германии на Польшу официальное коммюнике польского правительства сообщало, что в воздушных рейдах на Варшаву, Гданьск и несколько других городов погибло 130 поляков. «Были сбиты два немецких бомбардировщика и задержаны четыре удивительным образом спасшихся оккупанта, — сообщало коммюнике, — когда в пятницу вечером над восточной частью Варшавы появился строй из 42 немецких самолетов. Люди наблюдали за захватывающим воздушным боем над центром города. Несколько зданий

Вторжение Германии в Польшу, сентябрь 1939 г.

охватил пожар, был разбомблен и рухнул госпиталь для умственно отсталых еврейских детей».

Утром 2 сентября немецкие самолеты бомбили железнодорожную станцию в городе Коло¹. На станции стоял поезд с гражданскими бе-

¹ Во время немецкой оккупации, в 1940–1945 гг., назывался Вартбрюккен. — Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.

женцами, которые эвакуировались из приграничных городов Яроцина и Кротошина; 11 из них погибли.

Цель гитлеровского нападения на Польшу заключалась не только в том, чтобы вернуть территории, утраченные в 1918 г. Фюрер также намеревался установить над Польшей германскую власть. Для этого он приказал трем полкам дивизии СС «Мертвая голова» следовать за пехотой и осуществить в немецком тылу меры для поддержания «порядка и безопасности». Командир дивизии «Мертвая голова» Теодор Эйке объяснил суть этих мер своим офицерам, собравшимся в первый день войны на одной из их баз, в концентрационном лагере Заксенхаузен. Для защиты гитлеровского рейха, сказал Эйке, СС должны будут «брать под стражу и уничтожать» любого врага нацизма — задача, сопоставимая с «абсолютной и непреклонной жестокостью», которой полки «Мертвой головы» обучились в концлагерях.

Эти слова, полные дурных предзнаменований, скоро претворились в действия; в течение недели после вторжения Германии в Польшу почти 24 000 офицеров и солдат полков «Мертвой головы» были готовы приступить к своим задачам. На борту одного из вагонов, который вез немецких военнослужащих на восток, кто-то написал белой краской: «Мы едем в Польшу бить евреев». Жертвами этой войны за линией фронта стали не только евреи, но и поляки. Два дня спустя после того, как Эйке проинструктировал полки «Мертвой головы», Генрих Гиммлер информировал обергруппенфюрера СС Удо фон Войрша, что ему следует осуществить «радикальное подавление зарождающегося польского мятежа в только что оккупированных областях Верхней Силезии». Слово «радикальное» было эвфемизмом «безжалостному».

Дотла сжигались целые деревни. В Трусколясах 3 сентября немцы окружили и расстреляли пятьдесят пять польских крестьян, среди которых был двухлетний ребенок. В Верушуве двадцати евреям приказали собраться на рыночной площади; среди них был 46-летний Израиль Леви. Когда его дочь, Либе Леви, бросилась к отцу, немец за «неосторожность» приказал ей открыть рот и выстрелил туда. Либе Леви упала замертво. Затем двадцать евреев были казнены.

В последующие недели подобные жестокости стали обычным делом, происходящим повсеместно и в беспрецедентном масштабе. Пока солдаты сражались, в тылу гражданские лица становились жертвами массовых убийств.

Вечером 3 сентября немецкие бомбардировщики атаковали беззащитный польский город Сулеюв, население которого насчитывало до войны 6500 поляков и польских евреев и увеличилось еще на 3000 беженцев.

Спустя мгновения центр городка пылал. Когда тысячи людей устремились в поисках безопасного укрытия в близлежащие рощи, немецкие самолеты на бреющем полете открыли пулеметный огонь. «Пока мы бежали к лесу, — вспоминал один маленький мальчик, Бен Хельфготт, — люди падали, люди горели. Той ночью небо было красным от горящего города».

3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии. «Ближайшей целью немецкого верховного командования, — сказал Гитлер своим командирам, — остается быстрое и победоносное завершение операций против Польши». В девять часов вечера того же дня немецкая субмарина U-30 под командованием Юлиуса Лемпа торпедировала британский пассажирский лайнер «Атения», приняв его за вооруженный корабль. «Атения» отплыла в Монреаль из Ливерпуля до объявления Британией войны, имея на борту 1103 пассажира. Из 112 пассажиров, которые погибли той ночью, 28 были гражданами США, но президент США Франклин Рузвельт подчеркнул в радиообращении к американскому народу: «Пусть ни один мужчина, ни одна женщина не говорят бездумно или ошибочно о том, чтобы Америка отправила свои армии на поля Европы. В настоящий момент готовится объявление нейтралитета со стороны Америки».

Уверенный в быстрой победе Гитлер вечером 3 сентября покинул Берлин в специальном поезде «Америка», в котором ему предстояло прожить следующие две недели, наблюдая за эпизодами своего первого военного триумфа и принимая поздравления. Тем временем британское правительство начало сброс антинацистских пропагандистских листовок над Германией в рамках своего плана «Западный ветер — 14». Ночью 3 сентября десять самолетов понесли 13 тонн листовок через Северное море и немецкие границы, чтобы сбросить их над Руром; шесть миллионов листов, которые говорили немцам: «Ваши правители обрекли вас на бойни, нищету и лишения войны, которую они не могут и надеяться выиграть».

Первый налет британских бомбардировщиков на Германию случился 4 сентября, когда немецкие войска продолжали продвигаться вглубь Польши под прикрытием господства своих военно-воздушных сил. В этот день десять бомбардировщиков «Бленхейм» атаковали немецкие корабли и военно-морские сооружения в Вильгельмсхафене. Они не причинили кораблям серьезного ущерба, но пять самолетов были сбиты огнем немецких зенитных орудий. В числе погибших британцев был лейтенант авиации Х.Б. Лайтоллер, отец которого Чарльз был старшим по званию британским офицером, выжившим при гибели «Титаника» накануне Первой мировой войны.

Новости о рейде против немецких кораблей подняли боевой дух Британии. «Мы даже могли различить белье, которое висело на веревках», — рассказал слушателям Британского радио первый лейтенант, который руководил атакой. «Когда мы пролетали над судном, — добавил он, — то видели, как экипаж бежит к боевым позициям. Мы сбросили бомбы. Второй пилот, который летел сзади, заметил два попадания». Первый лейтенант и пилот-разведчик были награждены Крестом летных заслуг.

Британским пилотам было приказано не подвергать опасности жизни немецких гражданских лиц. На данном этапе войны такие приказы не только казались правильными с нравственной точки зрения, но и вполне выполнимыми. Немецкие командиры их не отдавали. «Повсюду началась жестокая партизанская война, — писал 4 сентября немецкий генеральный квартирмейстер Эдуард Вагнер, — и мы безжалостно выжигаем ее. Мы не будем договариваться. Мы уже назначили чрезвычайные трибуналы, и они постоянно работают. Чем сильнее мы ударим, тем скорее вновь наступит мир». Удары сыпались как с суши, так и с воздуха. В Быдгоще 4 сентября были убиты свыше тысячи поляков, в том числе несколько десятков подростков в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет. Их выстроили у стены на рыночной площади и расстреляли. При входе в Пётркув 5 сентября немцы подожгли десятки домов евреев, а затем застрелили тех, кто пытался сбежать из горящих зданий. Войдя в строение, которое избежало огня, солдаты вывели шесть евреев и приказали им бежать; пятерых они застрелили, а шестой, Бунем Лебель, умер позднее от ран.

В ту неделю в Польше горело много городов; тысячи поляков погибли в огне или были застрелены при попытке сбежать. Одновременно бушевали две войны: одна — на фронте, между вооруженными людьми, вторая — в городах и селах далеко в тылу. Дикая и всеохватная война началась и на море. В тот же день, 5 сентября, немецкие подводные лодки потопили пять беззащитных торговых судов — четыре британских и одно французское. Британцы не стали медлить с ответом: легкий крейсер «Аякс», находившийся на боевом дежурстве, потопил два немецких торговых судна «в соответствии с правилами войны», как проинформировал своих коллег по военному кабинету первый лорд Адмиралтейства Британии Уинстон Черчилль. Торговые корабли не смогли остановиться по приказу.

Каждый день, продвигаясь все глубже в Польшу, немцы игнорировали и попирали правила ведения войны. 6 сентября в полях у польской деревни Мроча они после упорного сопротивления немецкому танковому

подразделению расстреляли девятнадцать сдавшихся польских офицеров. Остальных польских военнопленных заперли в хижине железнодорожного служащего, которую затем подожгли. Все пленники сгорели заживо. Таким образом, военнопленные не знали, будут ли применены к ним правила ведения войны, изложенные в ряде Женевских конвенций: правила, по которым действовали нацисты, полностью противоречили тем, что были разработаны за предыдущее столетие.

Евреи считали, что завоеватель, который объявил их главной своей жертвой, обрушит на них самые ужасные зверства. В речи, произнесенной в Берлине за семь месяцев до начала войны, Гитлер заявил, что если она разразится, то ее результатом станет не большевизация Земли, а уничтожение евреев в Европе. Шесть дней войны уже показали, что убийства евреев суть неотъемлемая часть немецкого завоевания. Старейший деятель сионистского движения доктор Хаим Вейцман с вызовом написал британскому премьер-министру Невиллу Чемберлену, что евреи будут сражаться на стороне демократий против нацистской Германии; его письмо было опубликовано в газете *The Times* 6 сентября. В тот же день машина везла Гитлера от его специального поезда к месту сражения под Тухолей, где находился в окружении польский корпус. Когда он осматривал поле боя, до него дошло известие, что немецкие войска вошли в город Краков на юге Польши.

Война шла первую неделю. Краков, население которого превышало 250 000 человек, находился под контролем немцев. На следующий день, 7 сентября, шеф эсэсовцев Рейнхард Гейдрих сказал командирам специальных сил СС Эйке, которым следовало двигаться за идущими вперед солдатами: «Польский правящий класс необходимо как можно скорее лишить возможности причинять вред. Оставшиеся низшие классы не получают специального образования, но следует так или иначе не допускать их возвышения». Эйке лично направлял работу подразделений СС из штабного поезда Гитлера, и именно в поезде 7 сентября Гитлер сказал главнокомандующему сухопутными силами генералу фон Браухичу, что армии следует «воздержаться от вмешательства» в операции СС. Эти операции проводились непрерывно. День спустя после разговора Гитлера с фон Браухичем батальон СС казнил 33 польских гражданских лица в деревне Ксёнжки; вскоре такие казни стали происходить ежедневно.

Окружение Гитлера быстро поняло, что он имел в виду. 9 сентября полковник Эдуард Вагнер обсуждал будущее Польши с начальником Генерального штаба гитлеровской армии генералом Гальдером. «Намерение фюрера и Геринга, — записал Вагнер в дневнике, — заключается

в том, чтобы разрушить и искоренить польскую нацию. О большем на бумаге нельзя и заикнуться».

У Британии и Франции было немного возможностей для военных действий, которые помогли бы Польше сколь-нибудь существенным образом¹. 7 сентября французские военные соединения пересекли немецкую границу в трех пунктах близ Саарлуиса, Саарбрюккена и Цвайбрюккена. Однако никаких серьезных вооруженных столкновений не произошло. На Западном фронте было тихо. В Лондоне специально созданный Комитет сухопутных сил военного кабинета обсуждал масштабы грядущих военных действий со стороны Британии. На первой встрече 7 сентября первый лорд Адмиралтейства Черчилль предложил создать к марту 1940 г. армию из 20 дивизий. «Мы должны занять свое место в строю, — сказал он, — если хотим уберечь альянс и выиграть в войне». На следующий день в отчете Комитет сухопутных сил указал в качестве основы для британского военного планирования, что война продлится «по меньшей мере три года». Первые 20 дивизий следовало создать в течение следующих двенадцати месяцев, еще 35 — к концу 1941 г. Тем временем главный упор Британия неизбежно должна была сделать на оборону: 7 сентября вышли в море два конвоя торговых кораблей в сопровождении эсминцев: один — из устья Темзы через Ла-Манш в Атлантику, второй — в Атлантику из Ливерпуля.

В тот же день последние защитники пытались сдержать продвижение немцев близ промышленного города Лодзь на западе Польши. Их противник, боевые части СС, видели, как тем вечером в Пабьянице «поляки начали еще одну контратаку. Они наступали по телам погибших товарищей. Они не наклоняли голов, как делают люди под сильным дождем, — а большинство наступающих пехотинцев идет именно так, — но шли, высоко держа головы, словно пловцы, борющиеся с волнами. Они не дрогнули».

Не недостаток храбрости, а огромное превосходство немецкой артиллерийской мощи заставило защитников к сумеркам сдаться. Пабьянице было потеряно. Дорога на Лодзь оказалась открытой.

Те, кто возражал против эксцессов нацизма внутри Германии, были в равной степени критично настроены против нападения на Польшу, но угроза заключения в концентрационные лагеря была мощным сдерживающим фактором, ограничивающим публичную критику. До

¹ У Великобритании и Франции не было желания помогать Польше: французская армия фактически бездействовала, а англичане ограничились показательными налетами на военно-морские базы Германии.

войны от тирании сбежали тысячи немцев. Когда же началась война, побег стал практически невозможен, так как границы рейха оказались закрыты, а на передвижения и коммуникации стали налагаться все более строгие ограничения. Шесть месяцев, которые прошли со времени немецкой оккупации Богемии и Моравии в марте 1939 г., позволили распространить систему гестапо на аннексированные регионы. Две некогда независимые европейские столицы, Вена и Прага, оказались под строгим немецким контролем; вся критика здесь каралась, а независимость духа подавлялась. С началом войны аресты противников режима не ослабли; записи гестапо от 9 сентября показывают, что 630 чешских политических узников были отправлены на поезде из Богемии в концентрационный лагерь Дахау, к северу от Мюнхена. Лишь немногие из них пережили тяжелые условия труда и жестокое обращение.

Теперь солдаты и гражданские лица оказались в ловушке из-за стремительного продвижения немцев в Польшу. В секторе Познани оказались окруженными девятнадцать польских дивизий; в последующем сражении на реке Бзуре в плен попали 170 000 польских солдат.

В тылу продолжались зверства. В Бендзине 8 сентября несколько сотен евреев загнали в синагогу, которую затем подожгли. Двести евреев сгорели заживо. На следующий день немцы цинично обвинили в этом преступлении поляков, взяли заложников и расстреляли тридцать из них на одной из главных площадей города. 10 сентября генерал Гальдер записал в дневнике, что группа эсэсовцев заставила пятьдесят евреев работать весь день на починке моста, а затем загнала их в синагогу и расстреляла. «Теперь мы выпускаем свирепые приказы, которые я сам и составил, — записал в дневнике полковник Вагнер 11 сентября. — Нет ничего лучше смертного приговора! Никак иначе на оккупированных территориях!»

Одним из очевидцев убийств гражданских лиц был адмирал Канарис, начальник секретной службы разведки немецких вооруженных сил. 10 сентября он поехал к линии фронта, чтобы наблюдать за немецкой армией в действии. Куда бы он ни направился, везде служащие его разведки докладывали ему об «оргии резни». Польских гражданских лиц заставляли рыть братские могилы, выстраивали на их краю и скашивали пулеметным огнем. 12 сентября Канарис отправился в штабной поезд Гитлера, а затем — в Ильнау в Верхней Силезии, чтобы выразить протест. Первым он увидел генерала Вильгельма Кейтеля, начальника штаба верховного командования вооруженных сил. «Я располагаю информацией, — сказал Канарис Кейтелю, — что

в Польше планируются массовые казни и что к истреблению назначены представители польского дворянства, а также епископы и священники католической церкви».

Кейтель стал убеждать Канариса оставить этот вопрос. «Если бы я был на вашем месте, — произнес он, — я бы не лез в это дело. Решение о проведении его принял сам фюрер». Кейтель добавил, что начиная с этого момента у командования каждой немецкой армии в Польше будет гражданский начальник наряду с военным. Гражданские должны были заниматься тем, что Кейтель назвал программой «расового истребления». Несколько мгновений спустя Канарис увидел Гитлера, но ничего ему не сказал. Потрясенный всем, что услышал, он вернулся в Берлин; его лояльность фюреру сильно ослабла. Бывший мэр Лейпцига и один из противников Гитлера с 1933 г., Карл Гёрделер, сказал товарищу, который также был против нацизма, что Канарис возвратился из Польши «совершенно разбитым» «бесчеловечным поведением» Германии на войне.

То, что Кейтель называл программой «расового истребления», ее разработчики именовали по-другому. 13 сентября, день спустя после визита Канариса в поезд Гитлера, айнзацгруппа III, сформированная из Бранденбургского полка дивизии СС «Мертвая голова», начала проводить «меры по дезинфекции и установлению безопасности». По ее отчетам, в их число входили аресты и расстрелы большого числа «подозрительных элементов, грабителей, евреев и поляков», многие из которых были убиты «при попытке к бегству». Всего за две недели айнзацгруппа оставила позади себя кровавый след более чем в тринадцати польских городах и селах.

Теперь бои сосредоточились вокруг Варшавы, которую яростно бомбили немецкие бомбардировщики. Один из пунктов, по которым Канарис выражал протест Кейтелю, заключался в «разорении» польской столицы. 14 сентября бомбардировка была особенно жестокой. Для 393 000 варшавских евреев, составлявших треть городского населения, то был священный и обыкновенно счастливый день — еврейский Новый год. «Как только синагоги заполнились людьми, — отметил польский очевидец в дневнике, — Налевки, еврейский квартал Варшавы, были атакованы с воздуха. Бомбардировка оказалась кровопролитной». В этот день немецкие войска вошли в южный польский город Перемышль на реке Сан, 17 000 жителей которого, одна треть населения, были евреями. Сорок три наиболее видных горожанина-еврея были тут же арестованы, жестоко избиты и застрелены. Среди них был Ашер Гиттер, сын которого, как и множество других сыновей польских

евреев, эмигрировал в Соединенные Штаты, надеясь, что когда-нибудь отец к нему присоединится. В тот же день пять евреев и два поляка были расстреляны в городе Серадзе. В Ченстохове немецкая гражданская администрация приказала передать всю промышленную и торговую собственность евреев «арийцам» вне зависимости от того, бежал ее владелец из города или остался. В Пётркуве был издан декрет, запрещавший евреям находиться на улицах после пяти часов вечера; двадцатисемилетний Гетцель Френкель, возвращавшийся домой на пять минут позднее установленного времени, был застрелен за нарушение приказа.

Упорно сражавшаяся польская армия под бомбежками отступала в Восточную Польшу. Один польский офицер вспоминал, как восточнее Перемышля 14 сентября после того, как его пехотная дивизия отступила через реку Сан, самолеты «налетали на нас с небольшими интервалами. Нигде не было укрытия; повсюду одна лишь проклятая равнина. Солдаты бросались прочь с дороги, пытаясь найти укрытие в канавах, но лошади были в еще более бедственном положении. После одного налета мы насчитали 35 мертвых лошадей». Этот марш на восток, писал офицер, «не походил на марш армии; скорее это было шествие какого-то библейского народа, гонимого вперед гневом небес и исчезающего в пустыне». На следующее утро в Ярославле Гитлер лично наблюдал за тем, как неотступно преследующие поляков немецкие силы пересекали реку Сан.

Когда польская армия была дезорганизована, гитлеровские генералы предложили фюреру принудить окруженную Варшаву к сдаче голодом, но Гитлер отверг идею длительной и даже короткой осады. Он настаивал, что польская столица — это крепость, и к подчинению ее следует принудить бомбардировками.

Польская армия, пытавшаяся сбежать от немецкого военного давления и воздушных атак, надеялась перегруппироваться в восточных областях страны, особенно во Львове — главном городе Восточной Галиции. Однако ранним утром 17 сентября эти чаяния были перечеркнуты. Незвестный полякам и даже генералам Гитлера, секретный протокол к советско-германскому Пакту о ненападении 23 августа 1939 г. провел по Польше демаркационную линию, земли к востоку от которой мог взять под свой контроль Советский Союз. 17 сентября председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов в заявлении, сделанном в Москве, объявил, что польское правительство перестало существовать. В результате, сказал он, советским войскам было приказано занять Восточную Польшу. У поляков, которые так от-

чаянно пытались защититься от немецкой бойни, не осталось средств к эффективному сопротивлению.

Теперь к демаркационной линии продвигались две советские армейские группы. За сто километров до нее они встретили немецкие войска, которые немалой ценой пробивались в восточные области Польши. Немцы отступили, передав советским войскам польских солдат, взятых ими в плен. Во Львове именно советский генерал приказал польским войскам сложить оружие¹. Они так и сделали, после чего были окружены Красной армией и отправлены в плен. Тысячи поляков были захвачены наступающими советскими силами. Другие поляки сдались им во избежание риска попасть в руки немцев. В Варшаве продолжался бой, и непрерывные бомбардировки приносили тяжелые потери среди гражданского населения. Той же ночью в Атлантическом океане британцы потерпели первую морскую катастрофу: гибель 518 моряков на борту авианосца «Корейджес», торпедированного у юго-западного побережья Ирландии немецкой подлодкой U-29 под командованием лейтенанта Шухарта. Командующий подводным флотом Германии адмирал Дёниц отметил в дневнике этот «восхитительный успех». Для Черчилля, первого лорда Адмиралтейства, гибель корабля стала страшным напоминанием об опасностях морской войны, ибо в годы Первой мировой войны Уинстон уже видел, сколь сильно немецкие субмарины могут подорвать снабжение Великобритании провиантом и ресурсами.

В Британии судьба Польши внушала беспокойство тем, кто видел, что два западных союзника не способны предпринять какие-либо серьезные контрмеры. «Бедолаги! — писал один англичанин другу в Америку 18 сентября. — Они великолепные бойцы, и я думаю, все мы здесь боремся с тяжелым чувством, что, раз они наши союзники, мы должны любой ценой нанести такие тяжелые удары на Западном фронте, чтобы отвлечь немцев. Я думаю, что мы не сделали этого до сих пор, потому что ни у нас, ни у Франции недостаточно машин».

Немцы были уверены, что британцы и французы не помешают их неизбежной победе. 18 сентября британские радиослушатели впервые услышали гнусавый голос Уильяма Джойса, который быстро получил прозвище Лорд Хо-Хо. Он обратился к своим соотечественникам из Берлина, убеждая их, что война проиграна, всего месяц спустя после

¹ В то время в РККА не было звания «генерал». Описанные события происходили 19–20 сентября. См.: Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. Часть третья. Сентябрь 1939 года. Война с запада. М.: Вече, 2001. С. 303–325.

того, как он получил новый британский паспорт. Чуть севернее Берлина, в концентрационном лагере Заксенхаузен, 18 сентября в ответ на храбрые протесты против дурного обращения с заключенными был жестоко избит Лотар Эрдман — выдающийся немецкий журналист, до 1933 г. бывший профсоюзным активистом. Он получил тяжелые повреждения внутренних органов, от которых в тот же день скончался.

Защитники Варшавы отказались подчиниться немецкой силе. Польский доктор, в составе одной группы искавший 18 сентября лекарства, нашел немного медикаментов на складе, который уже находился под немецким обстрелом. В подвале был и немецкий шпион — мужчина, который жил в Польше на протяжении последних 12 лет. Его поймали с миниатюрным передатчиком: он отправлял сообщения в штаб немецких сил, осаждавших город. «После кратких формальностей, — отметил доктор, — его отправили на тот свет “с приветом Гинденбургу”».

К 19 сентября Варшава находилась под артиллерийским обстрелом десять дней подряд. В результате воздушных и артиллерийских атак погибло так много поляков, что в кладбища пришлось превращать городские парки. Польские силы упорно пытались удержать городской периметр. Несколько немецких танков, слишком далеко забравшиеся в пригороды, были выведены из строя. Германских солдат, приближавшихся слишком близко, поляки брали в плен, но бомбардировки продолжались непрерывно. «Этим утром, — записал полицейский начальник в дневнике 19 сентября, — немецкий бомбардировщик сбросил бомбу, она попала в дом неподалеку от моего участка, который я превратил во временную тюрьму приблизительно для 90 немцев, захваченных в боях прошлой ночью. 27 из них погибли».

Пока Варшава истекала кровью под бомбежками, во Франции высадились первые британские войска — армейский корпус. Однако перед ними не стояла задача как-либо действовать. Западный фронт оставался целиком оборонительным, тихим и пассивным. Тем временем к северу от Варшавы Гитлер триумфально вошел в свободный город Данциг, отторгнутый от Германии по настоянию держав-победителей в итоге Первой мировой войны. Встречавшая его толпа пребывала в истерическом ликовании. «Так было везде, — сказал главный адъютант Гитлера Рудольф Шмундт одному новичку при штабе фюрера, — в Рейнской области, в Вене, в Судетах и в Мемеле. Вы еще сомневаетесь в миссии фюрера?»

В речи перед жителями Данцига 19 сентября Гитлер говорил о «всемогущем Боге, который теперь дал благословение... [немецкому] ору-

жую». Озвучил он и загадочное и зловещее для Британии и Франции предупреждение: «Очень скоро может наступить момент, когда мы используем оружие, которым нас атаковать не смогут».

Из Данцига Гитлер отправился в гостиницу в курортном городке Сопот. Здесь перед группой лиц, в состав которой входили его личный врач доктор Карл Брандт, начальник канцелярии руководителя партии Филипп Боулер и имперский руководитель здравоохранения доктор Леонардо Конти, фюрер изложил свои планы умерщвления психически неполноценных внутри самой Германии. Следовало поддерживать чистоту немецкой крови. Конти выразил сомнения в наличии, с медицинской точки зрения, научной базы, которая указывала бы, что эвтаназия может привести к каким-либо евгеническим результатам. Всерьез разговор велся только о наиболее быстром и наименее болезненном методе убийства. Подписав приказ 1 сентября, Гитлер предоставил Боулеру и Брандту «полную ответственность за увеличение полномочий определенных докторов, чтобы они могли наградить милосердной смертью тех, кто неизлечимо болен согласно всем человеческим стандартам после самого тщательного критического обследования их здоровья».

Оперативным центром программы эвтаназии стал дом № 4 по Тиргартенштрассе в пригороде Берлина. Именно его адрес дал название самой программе, известной как «Т-4». Главой ее стал тридцатисемилетний Вернер Хайде — профессор неврологии и психиатрии Вюрцбургского университета, который вступил в партию нацистов на волне ее политического триумфа в 1933 г. С этого времени началось прочесывание психических лечебниц в поисках тех, кого можно было удостоить «милосердной смерти». Один из нацистских экспертов по эвтаназии, доктор Пфанмюллер, высказался следующим образом: «Я не могу вынести мысль о том, что наша молодежь должна терять жизнь на фронте для того, чтобы слабоумные и асоциальные элементы могли безопасно существовать в больнице».

С первых дней операции «Т-4» основное внимание уделялось маленьким и особенно новорожденным детям. В Гёрдене близ Бранденбурга государственное педиатрическое учреждение создало специальное психиатрическое детское отделение, куда поступали и где уничтожались дети со всей Германии. Работавший там доктор вспоминал позднее, что одной из их целей было «усыпить новорожденных как можно скорее», чтобы избежать установления «тесных связей между матерями и детьми».

Началась программа эвтаназии. Немцев, признанных безумными, умерщвляли в Гёрдене и шести других учреждениях по всей Германии. В первые два года войны таким образом погибли десятки тысяч человек — жертвы извращения медицинской науки.

В Польше силы специального назначения СС продолжали убивать евреев в городах, которые оказывались под контролем Германии. 20 сентября оперативный отдел 14-й немецкой армии сообщал, что в войсках растёт беспокойство «из-за в большинстве своем незаконных действий», предпринимаемых на занятой армией территории специальными силами под командованием генерала фон Войрша. Солдаты были особенно недовольны тем, что эсэсовцы фон Войрша, вместо того чтобы сражаться на фронте, «вынуждены демонстрировать свою храбрость перед беззащитными гражданскими». Фельдмаршал фон Рундштедт немедленно заявил, что более не потерпит нахождения в зоне боевых действий специальных сил СС фон Войрша, и потребовал прекращения антиеврейских мероприятий, которые уже начались в районе Катовице.

Кризис, возникший в отношениях между профессиональными военными и эсэсовцами, разрешить было нельзя. Теперь подготавливались куда более масштабные планы. 21 сентября Рейнхард Гейдрих созвал командиров всех частей СС в Польше на экстренное совещание в Берлин. Офицеры, которые не смогли присутствовать, получили по итогам дискуссии секретные записки. В них говорилось, что «конечная цель» политики Германии в отношении евреев должна храниться в «строгой тайне», а ее достижение займет «продолжительное время». Вместе с тем в качестве предварительного требования для выполнения «конечной цели» следовало сконцентрировать евреев в ряде крупных городов. Евреев, живших вне этих городов, и в особенности евреев Западной Польши, надлежало туда депортировать. Западная Польша должна быть «полностью очищена от евреев». Все сельскохозяйственные земли, принадлежавшие евреям, следовало у них изъять и «поручить заботе» местных немцев или даже польских крестьян. Депортированных в города евреев предполагалось запереть в одном конкретном квартале, запретив им появляться в других частях города. Своевременное исполнение приказов немцев относительно передвижения евреев предполагалось возложить в каждом городе на совет еврейских старшин. В случае «саботирования таких инструкций» советам грозили «самые строгие меры».

План Гейдриха по возрождению в XX в. средневекового понятия гетто замыслился лишь в качестве первого шага в направлении того, что он и его коллеги по СС называли «окончательным решением еврей-

ского вопроса». Этот план, однако, не привел к прекращению айнзац-группами убийств, которые уже вызвали протесты вермахта. 22 сентября, на следующий день после совещания с Гейдрихом, III айнзацгруппа прибыла во Влоцлавек; «еврейская акция» продлилась там четыре дня. Были ограблены еврейские магазины, взорваны синагоги города, десятки наиболее видных евреев схвачены и расстреляны. Даже не дожидаясь окончания этой акции, Эйке приказал командиру группы отправить два батальона в Быдгощ (Бромберг), чтобы провести там еще одну «акцию» против польских интеллектуалов и муниципальных руководителей. В результате этого приказа 23 и 24 сентября, меньше трех недель спустя после первых массовых неизбирательных убийств, в городе были расстреляны 800 поляков.

На первый день возобновления убийств поляков в Быдгоще пришелся самый священный день еврейского календаря — Йом Кипур. Чтобы показать свое презрение как к евреям, так и к полякам, немецкие оккупационные власти в Пётркуве приказали нескольким сотням польских военнопленных, среди которых было немало евреев, войти в синагогу и запретили им пользоваться уборными, вынудив испражняться прямо в здании. Затем им выдали молитвенные платки, шторы ковчега и изысканно расшитые орнаментальные чехлы свитка Торы, приказав убрать экскременты этими священными предметами.

В день исполнения этого отвратительного ребяческого приказа другое распоряжение, посланное из Берлина на все боевые корабли, привело к интенсификации войны на море. То был приказ командования, которое требовало топить или захватывать любое британское или французское торговое судно, которое использует радио, будучи остановлено субмариной.

Теперь демаркационная линия, установленная Риббентропом и Молотовым за месяц до этого, разделяла немецкие и советские войска. Поляки отказывались сдаться только в Варшаве, небольшом городе Модлин к северу от Вислы и на полуострове Хель близ Данцига. «Беспощадная бомбардировка продолжается», — записал в дневнике польский офицер в Варшаве 25 сентября. «Пока угрозы немцев не материализовались. Варшавяне гордятся тем, что не позволили себя запугать». Они были на грани голода. «Сегодня на улице я видел характерную сцену, — добавляет офицер. — Снаряд поразил и убил лошадь. Через час, когда я возвращался, от нее оставался только скелет. Жившие неподалеку люди срезали все мясо».

25 сентября немцы начали операцию «Берег» — воздушную атаку на Варшаву силами четырехсот бомбардировщиков, пикирующих бом-

бардировщиков и штурмовиков при поддержке тридцати трехмоторных транспортных самолетов. Последние, сбросив на польскую столицу 72 тонны зажигательных бомб, вызвали особенно сильные пожары, разрушения и гибель людей. Ядвига Соснковская, жена польского офицера, впоследствии бежавшая на Запад, год спустя вспоминала «ту ужасную ночь», когда она пыталась помочь в одной из больниц города. «На столе, за которым я ассистировала, одна трагедия сменяла другую. Одной из жертв была девочка шестнадцати лет. У нее была великолепная копна золотистых волос, лицо ее было нежно как цветок, а красивые сапфирово-синие глаза были полны слез. Обе ее ноги до колен превратились в кровавое месиво, в котором плоть невозможно было отделить от кости; обе пришлось ампутировать выше колен. Прежде чем хирург начал операцию, я склонилась над этим невинным ребенком, поцеловала ее в бледный лоб и положила свою беспомощную руку на ее золотистую голову. Утром она тихо умерла, словно цветок, сорванный безжалостной рукой».

Той же ночью, вспоминает Ядвига Соснковская, «на том же самом сосновом столе под скальпелем хирурга умерла молодая беременная женщина лет девятнадцати от роду, внутренности которой были вывернуты наизнанку взрывом бомбы. До родов ей оставалось всего несколько дней. Мы так и не узнали, кто был ее мужем и из какой семьи она происходила. Эту неизвестную женщину похоронили в братской могиле вместе с погибшими солдатами».

Стойкость варшавян подходила к концу. Даже решимость 140 000 солдат более не могла ее поддерживать. Начали ходить безумные слухи — последнее прибежище отчаявшихся. Говорили, что какой-то польский генерал движется с Востока во главе советских войск. Другие утверждали, что видели, как советские аэропланы, на которых изображены серп и молот, сошлись в бою с немецкими самолетами над городом. На самом деле на советские самолеты наносились пятиконечные звезды, а не серп и молот. Впрочем, на такие детали никто не обращал внимания, и слухи о скором спасении распространялись.

Однако неизбежно было не спасение, а возобновление штурма немецкой армии. Утром 26 сентября генерал фон Браухич отдал 8-й армии вермахта приказ о наступлении. Тем вечером командир польского гарнизона запросил перемирия, но фон Браухич отказал. Он был готов принять только полную капитуляцию. Город продолжал сражаться. В тот же самый день на конференции, проведенной в Берлине в строжайшей секретности, немецкие ученые обсуждали, как можно использовать энергию расщепления атомного ядра. Им было ясно, что возможным

его результатом может быть мощный взрыв. Следовало сделать «урановую печь», дистиллировать большой объем тяжелой воды, что требовало существенных трат. Военное министерство Германии, восхищенное вероятностью создания оружия, обладающего решающей мощностью, согласилось финансировать необходимые сложные эксперименты. Для них оказались доступны любые нужные средства.

В два часа дня 27 сентября Варшава пала; 140 000 польских солдат, более 36 000 из которых были ранены, сдались в плен. На протяжении следующих трех дней немецкая армия не делала попыток войти в город. «Они боятся, — писал польский офицер в дневнике, — запустить своих солдат в город без света и воды, полный больных, раненых и мертвых».

Умерли сотни раненых польских солдат и гражданских лиц, которые могли бы быть спасены, если бы им оказали медицинскую помощь. Это не входило в планы немцев. Ко дню сдачи Варшавы Гейдрих смог с видимым удовлетворением доложить: «На оккупированных территориях от польских высших классов в наличии остается максимум 3%». Слова опять маскировали реальность: «в наличии» здесь означает «в живых». Многие тысячи, а возможно, и десятки тысяч польских учителей, докторов, священников, землевладельцев, предпринимателей и местных чиновников были схвачены и убиты. Даже названия некоторых мест, где их содержали, пытали и убивали, стали синонимом страданий и смерти: Штуттгоф близ Данцига, Смукала у Быдгоща, жировой завод в Торунь, VII форт Познани, лагерь Зольдау в Восточной Пруссии. В церковном диоцезе Западной Польши были арестованы две трети из 690 священников, 214 из них расстреляны. Польша стала первой жертвой нового варварства войны внутри войны — неравного боя военных победителей и гражданских пленников.